

***

Ни слова фальши – как же это сложно.

Так хочется хвалить и величать:

То ножку женскую, то Чистый День морозный,

И червоточин в них не замечать.

Не замечать, что ножка кривовата

И поступь по-крестьянски тяжела.

Что облака легчайшие из ваты

Намокнут к полдню и нависнут как скала.

Не замечать, как все идет по кругу,

Как почва ускользает из-под ног,

Не замечать, когда теряешь друга

И остаешься страшно одинок.

Закрывать глаза и петь одну осанну,

Как соловей, задравши к небу клюв.

Жизнь тут же подкрадется кошкой драной

И вырвет горло, замыкая круг.

***

Когда отчаянье хватает за кадык,
Когда ты близок, чтоб с собою – как Файзуллин...
Когда и рядом с той, с которой век на ты,
Не избежать веревки или пули –

Вот он, тот миг – бумагу, карандаш,
Огрызок мела на клочке асфальта –
Валяй – из самых благородных краж
Стянуть строфу у крошева базальтов.

Она шибает посильней вина,
Взбодрит покруче флирта глаз голодных –
Та самая соломинка одна,
Чтоб удержаться в семибальных волнах.

Такая странная до колики нужда
Услышать чрево: «Ты венец таланта!»
Ты сам-то веришь? – Больше «нет», чем «да»,
Когда строфа – поверх рванья заплата.

Грамматик

Овидию изгнание – катастрофа,
А наш, напротив, в удалении зрел,
Как скарпелём обтесывая строфы,
Над словом чах, над рифмою корпел.

Он и себя поставил вне закона,
Стеною отчужденья окружил,
Чтоб год за годом грубо, испуленно
Тиранить музу, павшую без сил.

Он выжимал пронзительные строки
Из капель прошлогоднего дождя.
В них зелень томно исходила соком
И шмель летал, назойливо гудя.

В них землю черную, сверкнув на солнце, лемех
Расчетливо изрезал на ломти,

Рука размашисто разбрасывала семя,
Зимой несла к губам аперитив...

В них женщина платочек нервно мяла
И пальцем крестики чертила и нули,
Луна взбиралась в небеса устало
И в темном парке лилии цвели.

А за стеной шла жизнь своим манером,
Просачиваясь в каждую дыру,
По праздникам бесчинствуя в тавернах,
И вытесняя в дебри кенгуру.

***

А здесь декабрь – в разгаре лета.
Иду по улицам пустым
В час пик, но будто предрассветным.
Здесь не Одесса и не Крым.
Я в шкуре беглеца – поэта
В стране, которой я не сын.

И жарким летом недоволен,
Мой друг трусит на поводке.
Он по-животному устроен,
Но прикипел к моей руке.
(Мы с ним одно, хотя нас двое,
А тень уже невдалеке).

Пуста проспекта перспектива.
Сегодня праздник – Рождество.
Вино – рекой, фонтаном – пиво.
Прикинь, афею какво!
Но я, поскольку не строптивый,
Хоть и не верую в Него,
Киваю встречным: «Мэри Кристмас!»
И пьян, не знаю отчего!

***

(По мотивам австралийского фольклора)

Простой холщовый вещмешок
Прислужник мне и друг.
Тот вещмешок да пара ног –
Весь список моих слуг.

Я с ними в гору не пойду,
Мой путь лежит в обход,
Играя с ветром в чехарду,
Вдыхая дикий мед.

Найду местечко на пруду,
И там без лишних слов
Костер веселый разведу
С дымком от комаров.

Сорвется в огненный заряд
Глупышка-мотылек
И, может быть, бродяга-брат
Придет на огонек.

Ягненок – я его украл –
Сегодня ужин мой.
Он утром весело скакал,
Теперь в котле с водой.

И участь горькая его -
Подобная моей.
Нагрянут копы – ого-го!
Ловить плохих парней.

Моя свобода на кону,
Но им меня не взять.
Я с головою в пруд нырну,
Чтоб век на дне лежать.

